

УДК 316.2

ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ОРИЕНТИРЫ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Е.В. Чащин

В статье поднимается проблема зависимости социоментальных сторон идеального от особенностей цивилизационного развития общества, характерных для различных технологических эпох. Сравнивая между собой основные исторические этапы, мы можем найти в них не только различия, но и сходства в аспекте ментальных оснований, а также лучше понять значение для социума нового глобального мышления, определить его роль в оценке рисков современного общества.

Ключевые слова: цивилизационные волны; постиндустриализм; технология; мышление; глобальное; информация; социум; экономика.

Исследование различных стилей мышления, характерных для социума, стремящегося к постиндустриализму, позволяет сделать предположение о трансформации всего ментального комплекса в русле идеального. Диалектический метод, раскрывающийся в рамках классического понимания особенностей изменения мышления как социального феномена, позволяет установить закономерность развития последнего при нахождении ментальных оснований. Прежде чем перейти к вопросу о трансформации разных стилей мышления в зависимости от смены структуры идеального, необходимо объяснить сущность изменений последнего. Она может быть выражена в том, что идеальное находится в особой взаимозависимости с материальным. К. Маркс так охарактеризовал эту взаимосвязь: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [3, с. 7]. Это означает, что «...сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни» [3, с. 7]. Поэтому перед осуществлением анализа изменений того или иного стиля мышления требуется рассмотреть влияние на него соответствующего условия с учётом того, что на сегодняшний день одним из основных критериев для градации этапов общественного развития будет социально-экономический фактор. Это обстоятельство описывается в работах таких учёных, как Д. Белл или О. Тоффлер.

Д. Белл называл в качестве основного источника социального развития замещение старых

производственных технологий новыми. Он солидарен с К. Марксом в том, что именно коренные преобразования характера труда меняют и социальную сферу общественного бытия. Труд постиндустриального общества определяется им как научный: «Я стою на том, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории. Первый поворотный пункт — изменение самого характера науки» [1, с. 342]. Теоретическое знание превращается в основной источник генерации социальных благ, целью же производства, действующего в единой связке с наукой, становится их тиражирование.

Коренные изменения, детерминируемые технологическим развитием, объективируются не только в идеальных абстрактных понятиях, но и в конкретных проявлениях особенного, являющихся одновременно и символами-артефактами, и элементами производства, необходимыми для дальнейшего технологического роста. Плуг, паровая машина, двигатель внутреннего сгорания и, наконец, ЭВМ определяют собой те или иные эпохи в общественно-историческом развитии, отражая сущность автономного технологического преобразования. Последнее провоцирует изменения в структуре, отношениях и связях социума. Для систематизации подобных изменений мыслитель вводит в свою концепцию так называемый «осевой принцип», с помощью которого проводит

теоретико-методологическое обоснование смен типов общества. В соответствии с этим подходом развитие различных типов обществ может быть представлено через их группировку или по формационному признаку, или по доминанте, роли человеческого знания в ходе исторического процесса, или по какому-либо иному критерию. Определяется данный критерий при условии, что в качестве магистральной генеративной линии выступит «стержневая ось», детерминирующая характер подхода к осмыслению общественных преобразований в экономическом, политическом, социально-психологическом плане. В качестве культурного основания «осевой принцип» может проявляться как в смене форм собственности в соответствующих формациях с выделением рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического строя, так и в «наукоёмкости» ведущих отраслей и необходимом уровне образования участников производственных отношений с вычленением доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ. Последнее наиболее импонирует Д. Беллу, считающему подобную классификацию наиболее актуальной, поскольку для общества рубежа третьего тысячелетия в качестве источника блага выступают не столько механизированные, сколько информационные и другие высокоинтеллектуальные технологии. Креативные отрасли в структуре производства замещают собой классические для него промышленные и сельскохозяйственные элементы, становясь платформой для новых кластеров. Информационные технологии превращаются в главный инструмент управления не только для отдельных сфер производства, но и для общества в целом, становясь механизмом реализации политической власти и увеличения личного благосостояния. Исчезает необходимость в меновой или товарной стоимости — абстрактная стоимость становится эквивалентом абстрактного труда. Особая роль в процессе перехода к постиндустриализму, по мнению Д. Белла, должна отводиться телекоммуникационной системе. Её развитие и совершенствование в текущем столетии будет основной задачей общественных элит. Так же, как и другие технологии, модернизация сбора, организации, обработки и ретрансляторной передачи знаний в виде информации происходит скачкообразно. Жизнь общества в условиях так называемой «телекоммуникационной революции» может быть описана следующим образом. Во-

первых, в отличие от ведущего в индустриализме промышленного компонента, в постиндустриальном обществе главной сферой становится сфера производства услуг, потребительский товар в этом смысле приобретает черты или становится своего рода услугой. Таким образом, суть экономического базиса данного общества и, как следствие, изменения его социокультурной среды сводится к сервисному характеру общественных отношений. В качестве второго основания для телекоммуникационного скачка Д. Белл отводит первоочередное место методам кодификации научного и иного рода теоретического знания с целью превращения его в информацию, поскольку роль такого рода знания в процессе дальнейшего получения и внедрения в производство разного рода технологических инноваций трудно переоценить. В-третьих, появление нового инструмента, способно компенсировать недостатки современной теории управления путём усовершенствования методики системного анализа, в качестве которого должна выступить инновационная прогностическая технология. Одним из проявлений этой технологии может стать создание искусственного интеллекта.

Именно благодаря учёту всех трёх компонентов и признанию их ключевой роли в общей структуре функционирования постиндустриального общества, правомерно утверждение о ведущем положении научного теоретического знания в системе этой формации, придании ему значения «осевого принципа». «Показатели перехода от постиндустриального к сервисному сектору достаточно очевидны. В США в 1970 г. 65 % рабочей силы было занято в сфере услуг, около 30 — в промышленности и строительстве и неполных 5 % — в сельском хозяйстве. Однако осевым принципом постиндустриального общества является громадное социальное значение теоретического знания и его новая роль в качестве направляющей силы социального изменения» [1, с.330–331]. В качестве недостатка данной социальной системы мыслитель выделяет увеличение доли труднопрогнозируемых «случайных» процессов, присущих любой открытой системе. Поскольку мир без границ, подразумевающий активные межкультурные коммуникации с постоянно растущей численностью населения и определённым технологическим дисбалансом между различными частями международного сообщества, представляет именно такую систему; значение данно-

го обстоятельства для жизнедеятельности социума должно учитываться при выделении направляющих факторов в его развитии.

По мнению О. Тоффлера, очевидная диспропорция между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, постоянно усиливающаяся в глобальном мире, не является априори негативным фактором. Дело в том, что именно преодоление консолидирующимся социумом разного рода трудностей, вызванных несовершенством хода общественного прогресса, обеспечивает необходимый толчок для осуществления каждого последующего этапа цивилизационной эволюции. Каждый новый шаг представлял собой особую технологическую «волну», распространяющуюся на все сферы жизни общества.

Результатом первой волны, вызванной накоплением и качественным преобразованием аграрных технологий, стала цивилизация, базирующаяся на сельском хозяйстве. Она характеризовалась ведущей ролью аграрного сектора экономики, определяющей соответствующую структуру культуры в целом, а также, политической, религиозной, семейно-бытовой и других сторон организации общества. Её признаками были: авторитарность системы управления и наличие строго регламентированного устройства общества, состоящего из феодальной знати, духовенства, военного сословия, а также, эксплуатируемого слоя крестьян или рабов. Существование подобных социальных слоёв демонстрировало относительную простоту структуры производительных сил в виду отсутствия сложных форм специализации или разделения труда. Социальный статус членов общества характеризовался принадлежностью к тому или иному сословию. Наиболее эффективной формой функционирования для частей такого социума было натуральное хозяйство, не предполагающее наличия какого-то ни было единого центра сосредоточения ресурсов и производительных сил. Отсутствовали развёрнутые торговые и иные отношения между частями общества даже в рамках единой национальной или религиозной идентичности.

В качестве итога второй технологической волны выступила индустриальная цивилизация, достигшая апогея своего развития в виде крупного промышленного производства и конвейерного разделения труда. Последнее обстоятельство является причиной создания производственного симбиоза машины и человека, а также распро-

странения массовой деиндивидуализированной и деперсонифицированной культуры. Ценностными ориентирами данной культуры становятся: взаимообуславливаемая унификация вкусов и предлагаемых продуктов потребления — структуры спроса и предложения; потребность в количественном увеличении продукта, требуемом для удовлетворения экспонентально растущих притязаний; реализация масштабных проектов, демонстрирующих возвышение человека над природой, и над предшествующими поколениями. Всё это, по мнению О. Тоффлера, приводит к социальному единству, лишённому многообразия. Единство выражалось в унифицированном труде, однотипном для всех образе жизни и ценностях, в конечном счёте влекущих потребительское отношение к окружающему миру.

Стандартизированное образование, получаемое «индустриальным человеком» как его назвал исследователь воспитание в нуклеарной семье, культивирование в мировоззрении элементов денежного фетишизма — всё это способствовало развитию «дискретной» личности и повышению роли массового типа в её мышлении. Помимо взаимодействия с машинами, многократно увеличивающими производственные возможности, но ограничивающими творческие стороны мышления, «индустриальный человек» постоянно, в течение всей жизни, был связан с «массовыми» организациями. Последние также оказывали на него специфическое влияние, в определённой степени угнетая независимость личности. Это способствовало формированию у неё самосознания, в котором она представляла как часть единого механизма, что отличало «индустриального человека» от людей предшествующих цивилизационных волн. «Представление о мире, в основном, складывалось у него благодаря средствам массовой информации. Он работал в крупном акционерном обществе или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определённому церковному приходу, входил в другие организации — в каждом из этих мест он оставлял часть своего делимого “Я”» [4, с. 83]. Главной особенностью индустриально-заводского типа производства, свойственного Второй волне, являлось то, что оно было ориентировано не на индивидуального адресного потребителя продукции, а на массовое распределение, обмен. Оно бесконечно в том смысле, что по средствам конвейера производило механизированные комплексы, ко-

торые, в свою очередь, использовались для создания новых машинных систем, далее всё повторялось. Ориентированность на рынок, на анонимного потребителя совместно с конвейерной бесконечностью повлияли на социо-культурную составляющую общественного бытия. Произошла адаптация общества к условиям, диктуемым фабричным производством. Возникшие в нём институты нуклеарной семьи, профсоюзов, защищающих интересы трудящихся в корпорациях, политических партий, массового образования, предполагающего разделение на школы, техникумы, вузы — всё это было создано в виде сложной иерархической структуры, схожей по своему строению на крупную фабрику или корпорацию. Массовым, стандартизированным, поставленным на поток стало искусство, выразившее в своём содержании и формах особенности мировосприятия творческой части социума в рамках массовой культуры. Вторая волна посредством порождённого ей индустриализма разделила социум по принципу производства и потребления, создавая для него сложную историческую ситуацию, характеризующуюся частыми экономическими кризисами и связанными с ними социальными противоречиями как бытового, так и международного уровня, порождающими социально-психологическое напряжение. Главными источниками данных противоречий, охватывающих широкие массы населения, являются: стандартизация, концентрация, специализация, максимизация, синхронизация и централизация — свойства или принципы индустриального производства, находящиеся в генетической взаимосвязи. На сегодняшний день цивилизация, базирующаяся на данных принципах существования, находится на грани исчерпания своего потенциала. В качестве основных причин выступают: сложность экологической ситуации, при которой природа более не способна сохранять биосферный баланс, постоянно нарушаемый индустриальными воздействиями со стороны социума, а также острый дефицит источников энергии, наличие которых составляет главное условие индустриального развития.

В рамках сложившейся кризисной ситуации во второй половине XX в. произошло зарождение Третьей волны техно-социальных трансформаций, постепенно подменяющей собой Вторую. Она была спровоцирована постоянным ростом и широким распространением персональных ЭВМ, информатики, теле- и видеокommunikаций, ла-

зерной и биотехнологии, генной инженерии, которые стали отраслевой основой постиндустриального производства. Были приняты меры для решения энергетической проблемы, во многом за счёт замены невозобновимых энергоносителей на обновляющиеся. Осуществляющийся с наступлением Третьей волны переход от производства, связанного с «конвейерной рациональностью», к применению высокоинтеллектуального, наукоёмкого, творческого, стремящегося к эксклюзивности труда определил изменение жизненного уклада людей. Использование новых методов производства, снимающих необходимость в массовой эксплуатации фабричных конвейеров, распространение не-нуклеарных семей, кардинальное реформирование школ и других социальных институтов и объединений стало причиной укрепления в мышлении личности Третьей волны индивидуализированных сторон. «Возникающая цивилизация... ведёт нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. Эта новая цивилизация... будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик... Она требует новых, более простых, эффективных и демократичных правил. Это — цивилизация... со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности» [4, с. 34–35].

В ведущих отраслях постиндустриального производства основную роль начинают играть информация, интеллектуальные технологии, творчество в целом. В соответствии с этим требованием, решением основных производственных задач на предприятиях Третьей волны занимается интеллектуальный работник, «когнитарий» — специалист, имеющий высокий уровень интеллектуального и духовного развития, который позволяет ему наиболее эффективно выполнять постоянно усложняющиеся технологические операции, взаимодействуя с новой и разнообразной информацией. Изменения в производственной сфере постиндустриальной цивилизации этим не ограничиваются — появляется особый тип участника производственных отношений: «цивилизация Третьей волны начинает стирать исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем, порождая особую экономику завтрашнего дня, сочетающую в себе оба действующих фактора, — “prosumer”

economics (“prosumer” от “producer” — производитель и “consumer” — потребитель)» [4, с. 35].

Таким образом осуществляется объединение производителя и потребителя, которое могло бы быть более свойственным аграрным цивилизациям Первой волны, чем Второй. Возникший «производитель» оказывается активно вовлечённым в производство или в управление потребителем, постоянно меняющим как свою роль в производственном процессе, так и сам характер связанной с ним как экономической, так и социальной деятельности. О. Тоффлер называет данное обстоятельство одной из причин возможного превращения современной цивилизации в первую в истории человечества подлинно гуманистическую, социальноориентированную.

Постоянно уменьшающаяся граница между потребителем и производителем, распространение «производства для себя», вместе с неясностью социальных представлений о тех крупномасштабных трансформациях, которым подвергся рынок и другие, смежные с ним, проявления общественной жизни в рамках мировой системы, порождают феномен, требующий тщательного осмысления. Множество людей, оказывающих себе конкретные услуги вместо квалифицированных специалистов, по мнению О. Тоффлера, просто переносят часть сферы услуг в сферу производства, создавая особого рода «теневую экономику», отличающуюся от основной своей неопределимостью и неопределённостью. В макроэкономическом смысле это может означать, что «цивилизация Третьей волны несет с собой восстановление огромного сектора экономики, основанного на производстве для потребления, а не для обмена» [4, с. 223], что является объективным условием изменения структуры социальных отношений в пределах больших общественных групп, побуждающим их к смене своей жизненной стратегии.

Последняя должна будет отразить в себе неопределённость, конструктивно включить её в общественное сознание, превратив из потенциально негативного фактора в позитивный. В этом случае новая экономика способна получить импульс в виде творчески, эксклюзивно преобразованного индивидуализированного производства. «Сейчас мы не получаем готовую ментальную модель реальности, мы вынуждены постоянно формировать ее и переформировывать. Это ложится на нас тяжелым грузом, но это же ведет к большей индивидуальности, демассификации как личности, так

и культуры. Некоторые из нас ломаются под таким давлением, отступают, испытывая апатию или гнев. Другие постоянно растут, формируют себя и становятся компетентными, грамотными людьми, способными работать на высшем уровне» [4, с. 109]. В практическом смысле это может выражаться в том, что при диверсификации экономики, являющейся неотъемлемым условием реализации целей Третьей волны, происходит вытеснение или коренное преобразование старых производственных структур. Следовательно, осуществляется изменение условий и содержания труда, которое сопровождается неизбежным ростом различных видов безработицы. Временная и технологическая безработица, наиболее характерные для постиндустриальной эпохи, начинают приобретать характер общемировой проблемы. Решением последней может быть только всеобщая программа поддержки наиболее подверженных кризисным явлениям производительных сил путём их переобучения, социо-культурной реабилитации, адаптирующих их к новым жизненным условиям. Приоритетной задачей в этом смысле является не технологическая, но социальная модернизация общественных отношений, изменение мышления как социального феномена таким образом, чтобы оно могло соответствовать условиям, предъявляемым уровнем технологического развития Третьей волны. Препятствием для осуществления этой задачи становится трудноконтролируемый информационный рост: «Чем более разнообразна цивилизация, чем дифференцированной её технология, её энергетические формы, тем больше информации должно проходить между составляющими ее частями, чтобы иметь возможность соединить их воедино, особенно перед лицом глобальных перемен» [4, с. 109]. Одной из основных черт, характеризующей «информационное общество», является экспонентальный рост объёма информации, обмен которой осуществляется на различных уровнях межличностной коммуникации. Обеспечивающие последнюю новые средства информации выступают не только отражением, но и катализатором процессов, «демассифицирующих» данный тип цивилизации.

Развитие техники и технологий постиндустриальной эпохи, сопряжённое с коренным преобразованием в информационной сфере, провоцирует культурное многообразие и постепенный отход от стереотипов массовой культуры. Постоянное внедрение инноваций в различных областях челове-

ческого бытия побуждает общество находить иные, чем в прежние периоды, приёмы для их осмысленного восприятия и понимания сущности происходящих процессов. Социум вынужден планомерно трансформировать свои познавательные способности, что требует от него постоянного получения нового образования, развития глобального мышления. «Структура глобального мышления включает новое, глобальное, видение проблем, а также предполагает новые аналитические навыки и способность пользоваться новыми стратегическими концепциями. Глобальное мышление предполагает наличие определенных основных навыков работы на мировом рынке, формирование которых зависит от способности переходить от одних видов работы к другим» [2]. Его распространение становится причиной перехода к особому ментальному синтезу в понимании скрытой связи между явлениями разного уровня сложности, исходящей из целостного представления о взаимосвязанном мире. Эти связи в ключе их осознания определяют как мировоззренческие установки в целом, так и отдельные стратегии поведения социальных субъектов в частности.

Как отдельные личности, так и общественные организации должны гибко подходить к прогнозированию возможных изменений в поведении друг друга. Знание того, какая реакция на те или иные совершённые шаги последует со стороны других членов сообщества, является необходимым условием коллективного взаимодействия для цивилизации Третьей волны. Это объясняется тем, что с ростом социального многообразия становится сложнее предвидеть поведение другого, поскольку приходится иметь о нём больше информации, чем это было необходимо в унифицированном обществе. Часто эта информация, выраженная в виде специфических сигналов и ключей, свидетельствующих о намерениях одного субъекта по отношению к другому, предоставляет возможность предотвратить ущемление чьих-либо интересов, что необходимо для сохранения плодотворных взаимосвязей и взаимодействий в индивидуализированном обществе. «В конечном счете, индивиды и организации постоянно стремятся получить больше информации, и во всей системе пульсируют растущие потоки данных. Форсируя увеличение объема информации, необходимой для существования социальной системы, и увеличив скорость обмена ею, Третья волна раскачала структуру изношенной, перегруженной инфосферы Второй волны и

создает новую структуру, способную ее заменить» [4, с. 109]. В соответствии с этим положением можно утверждать, что снятие Второй технологической цивилизационной волной Третьей не осуществляется без коренных противоречий, преодоление которых направленно в первую очередь на решение общесоциальных проблем. Так, в результате столкновения Первой сельскохозяйственной и Второй индустриальной волн были созданы условия, определяющие различного рода революционную активность, носящую массовый характер, и обуславливающие собой многочисленные войны и иные социальные конфликты, продолжающиеся более 200 лет — с середины XVIII до конца XX в. Смена Второй волны Третьей сопряжено с проявлениями глобального экономического кризиса. Его причинами являются: несбалансированное потребительское отношение к природе, имеющее негативные последствия для жизнедеятельности зависящего от среды обитания социума; неправильные или несвоевременные попытки решения экологической проблемы, имеющие во многом более социальную сущность, чем то, против чего они направлены. Уникальная ситуация резкого повышения роли информационного ресурса в общественных отношениях, свойственная постиндустриальной цивилизации Третьей волны, породила проблему так называемого «электронного смога» — информационного загрязнения социосферы, провоцирующего новую разновидность психических отклонений, в том числе массовых психозов.

Особое место в будущей структуре социальных конфликтов займут «инфовойны» — формы противостояния различных социальных групп, причиной которых выступает стремление обладать преимуществом во владении актуальной, имеющей ценность информацией или контролем над иными интеллектуальными ресурсами. На фоне социокультурной дифференциации это может стать новой причиной межгрупповых столкновений. Платформа для них начала закладываться, поскольку на сегодняшний день персонализация интересов, в рамках общей тенденции демасификации социальных отношений, становится деструктивным фактором для институтов производства, сформировавшихся на пике Второй волны. Особенностью процесса индивидуализации труда Третьей волны является уменьшение взаимозаменяемости последнего, которая проявляется, в частности, в специфическом характере производственных отношений, отражающих суб-

культурные (этнические, религиозные, профессиональные) и индивидуальные различия. «Группы, которые на протяжении всей эпохи Второй волны боролись за интеграцию и ассимиляцию в массовое общество, сейчас отказываются сглаживать свои различия. Наоборот, они специально подчеркивают свои уникальные особенности. А корпорации Второй волны, организованные для работы в массовом обществе, до сих пор не знают, как справляться с этой растущей волной различий среди потребителей их продукции» [4, с. 148]. Единственным выходом для многих крупных международных компаний является разделение производства по принципу адресного распределения, означающего стремление удовлетворить спрос потребителей с учётом особенностей их требований и интересов. Во многих случаях это сопровождается переходом от трестового, сложившегося в апогее мирового распространения индустриального типа производства, к синдикатному и картельному способу организации бизнеса. Это, в свою очередь, открывает дорогу к дальнейшей дифференциации — к кустарному, ремесленному типу предприятия. Последнее обстоятельство демонстрирует наиболее явное сходство аграрной и постиндустриальной цивилизаций в плане общности социальных отношений, элементов практико-преобразовательной, производственно-распределительной деятельности.

Оно способно убедить в правильности выбора диалектического метода к исследованию различных феноменов, раскрывающихся в поле идеального: «По многим признакам цивилизация Третьей волны несет в себе черты сходства с Первой волной, в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства, возобновляемые источники энергии, деурбанизацию, надомную работу и т.п. Иначе, мы наблюдаем нечто типа диалектического возврата к прошлому» [4, с. 213].

Оптимизм О. Тоффлера по поводу дальнейшего раскрытия потенциала Третьей волны выражается в том, что социум, по мере последующего активного внедрения и более эффективного использования предоставленных возможностей, будет способен впервые за многовековой период обозримой исторической ситуации создать действительно гуманный, социально-ориентированный тип цивилизации. Увеличение формирования внерыночных ценностей будет знаменовать появление более совершенных способов преодоления

свойственных переходному периоду социальных кризисов. Появление новых форм как индивидуальной, так и групповой идентичности способствует качественной и разносторонней ассимиляции социума, подвергающегося трансформациям в различных сферах общественного бытия. В противном случае современная опасная общественно-мировоззренческая ситуация, усугубляющая социальное восприятие рисков, не будет в полной мере преодолена. Её актуальность подтверждается повышением уровня социальной тревожности, причиной которого может являться неуверенность в наличии благоприятного будущего для человечества в целом и, соответственно, для конкретных социальных субъектов в частности: «Таким образом, большие массы людей, находящиеся на постоянной диете из плохих новостей, фильмов о несчастьях, апокалиптических библейских историй, кошмарных сценариев, выпускаемых престижными “мозговыми центрами”, очевидно, пришли к выводу, что нынешнее общество не может быть спроецировано в будущее, поскольку будущего вообще нет. Для них Армагеддон появится всего лишь через несколько минут. Земля стремительно приближается к своему последнему разрушительному содроганию» [4, с. 36–37].

Что может предложить каждой социальной группе современный этап постиндустриального развития общества в данном культурно-психологическом контексте? Возможность минимизировать негативные последствия предполагаемых катаклизмов различного происхождения и уровня воздействия. С этим сопряжено распространение различных видов страховок, не только личного, бытового, но и профессионального содержания (например, страхования голоса певцами, и ног футболистами); ускоренное развитие такого ИТ-направления, как компьютерная безопасность, обеспечивающего сохранение от внешних посягательств ключевого ресурса Третьей волны. Эти меры оказываются эффективными только при осознании каждой личностью собственного значения для социальной группы и каждой социальной группы — для общества. Члены стремящегося к развитому постиндустриализму общества способны консолидировать свои социоментальные усилия по разрешению общих для них противоречий, основываясь на сходности своих ценностей и жизненных ориентиров. «Как Вторая волна породила слой людей, чьи интересы превосходили локальный уровень и становились основой национальной

идеологии, так Третья волна порождает группы людей, интересы которых шире, чем национальные» [4, с. 224]. Глобальное мышление, формирующееся в рамках цивилизации Третьей волны, имеет для себя ориентир в виде снятия основных противоречий «общества рисков». Современное общество создало в форме глобального мышления инструмент преодоления собственных барьеров развития, порождаемых источниками рисков, связанных с изменением способа производства. Эффективное использование данного инструмента позволяет рассматривать неопределённость не как потенциально негативный для социума фактор, а как позитивный.

Список литературы

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
2. Глобальное видение и новое аналитическое мышление // Полка книг. URL: <http://polka-knig.com.ua/article.php?book=56&article=5474> (дата обращения: 25.12.2009).
3. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1984. 631 с.
4. Тоффлер О. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 261 с.

THEORY OF CIVILIZATIONAL TRANSFORMATIONS AND GUIDELINES OF THE NEW SOCIAL THINKING

Elisey V. Chashchin

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

In this article raises the problem of the dependence of social thinking of the parties to the ideal of features of development of the company, specific to the various technological eras. Comparing the basic historical stages, we can find in them not only the differences, but also similarities in the aspect of mental causes, as well as understand the value to society of a new global thinking. To determine its role in the assessment of the risks of modern society.

Key words: civilizational wave; post-industrial era; technology; thinking; global; information; society; economy.